
**РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА**

**SECTION I. HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT
OF HUMAN CAPITAL**

DOI: 10.25629/HC.2026.09.01

УДК 069.1:355.4

БАК: 5.6.1. Отечественная история

Болтаевский Андрей Андреевич, кандидат исторических наук, доцент, Российский университет кооперации, ORCID: 0000-0002-7866-0063, Boltaev83@mail.ru

Страхов Игорь Андреевич, Московский экономический институт, Российское военно-историческое общество, ORCID: 0000-0002-8792-2141

Борисова Анастасия Николаевна, Московский экономический институт, ORCID: 0009-0008-8811-8789

**ХРАНИТЕЛЬ АРСЕНАЛА ПАМЯТИ: КОММЕМОРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ
В.М. КРЫЛОВА В МУЗЕЕ АРТИЛЛЕРИИ (1991–2026)**

Аннотация

В статье рассматривается проблема институционального закрепления военно-технической памяти в условиях трансформации отечественного музейного дела конца XX – начала XXI века. Предметом исследования выступают коммеморативные стратегии, реализованные в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи под руководством полковника В. М. Крылова. Цель работы – выявить и охарактеризовать механизмы превращения закрытых ведомственных коллекций в публичное мнемоническое пространство, а также определить роль персонального административного этоса в этом процессе. Источниковую базу составляют делопроизводственная документация музея, авторские публикации и эдиционные проекты В. М. Крылова, материалы музейных церемониальных практик. Методологически работа опирается на институциональный и микроисторический подходы, позволяющие совместить анализ организационных структур с реконструкцией индивидуальной акторности. Научная новизна заключается в том, что впервые на конкретном эмпирическом материале показано, как синкретичный этос руководителя, соединяющий военно-корпоративный служебный долг, просветительский пафос и исследовательскую скрупулёзность, переопределял темпоральные режимы памяти и задавал вектор музеефикации военно-технического наследия. В результате выделены и проанализированы три ключевых коммеморативных механизма: нарративизация коллекций, церемониальные практики и эдиционная репрезентация, – доказана их взаимообусловленность и результативность в трансформации музейного института.

Ключевые слова

институциональная память, коммеморативные стратегии, административный этос, военно-техническое наследие, музей артиллерии, В.М. Крылов, мнемоническая акторность, экспозиционный нарратив

Boltaevskiy A.A., candidate of historical sciences, Associate Professor, Russian University of Cooperation, ORCID: 0000-0002-7866-0063, Boltaev83@mail.ru

Strakhov I.A., Moscow Institute of Economics, Russian Military Historical Society, ORCID: 0000-0002-8792-2141

Borisova A.N., Moscow Institute of Economics, ORCID: 0009-0008-8811-8789

INSTITUTIONAL REPRESENTATION OF MILITARY-TECHNICAL MEMORY: COMMEMORATIVE STRATEGIES AND ADMINISTRATIVE ETHOS OF COLONEL V. M. KRYLOV

Abstract

The article examines the problem of institutional consolidation of military-technical memory in the context of the transformation of Russian museum studies in the late 20th and early 21st centuries. The subject of the study is the commemorative strategies implemented by the Military History Museum of Artillery, Engineering Troops, and Communications Troops under the leadership of Colonel V.M. Krylov. The aim of the study is to identify and characterize the mechanisms of transforming closed departmental collections into a public mnemonic space, as well as to determine the role of personal administrative ethos in this process. The source base includes the museum's business documentation, V. M. Krylov's publications and editorial projects, and materials from museum ceremonial practices. The study is based on institutional and microhistorical approaches, which allow for the combination of organizational structure analysis and the reconstruction of individual agency. The scientific novelty of the study lies in the fact that it is the first to demonstrate, based on specific empirical evidence, how the syncretic ethos of the leader, which combines military-corporate service duty, educational passion, and research meticulousness, redefined the temporal modes of memory and set the direction for the museumification of military-technical heritage. As a result, three key commemorative mechanisms have been identified and analyzed: the narrativization of collections, ceremonial practices, and editorial representation, and their interdependence and effectiveness in transforming the museum institution have been proven.

Keywords

institutional memory, commemorative strategies, administrative ethos, military-technical heritage, Artillery Museum, V. M. Krylov, mnemonic agency, exhibition narrative

Введение

Процессы конструирования и трансляции коллективной памяти всё чаще становятся предметом междисциплинарного анализа, в рамках которого музей рассматривается не просто как хранилище артефактов, но как сложный институт, производящий и воспроизводящий нормативные версии прошлого. Особую значимость в этом контексте приобретают военные музеи – учреждения, чья деятельность напрямую сопряжена с государственной политикой идентичности, патриотическим воспитанием и легитимацией силовых структур.

Анализ степени разработанности темы показывает выраженную диспропорцию в исследовательском поле. С одной стороны, корпус литературы по общей теории памяти и «мемориальному повороту» обширен (Ассман, 2004; Нора, 1999), а макросоциологические исследования всё чаще фокусируются на роли музеев как «мест памяти», легитимирующих национальные

нарративы. С другой стороны, военно-исторические музеи, за исключением работ, затрагивающих их генезис в имперский или советский периоды, редко становились объектом самостоятельного науковедческого анализа с точки зрения внутренних механизмов управления коммеморацией. Существующие публикации, посвященные военной памяти (например, труды о мемориализации Великой Отечественной войны), как правило, сосредоточены на визуальной репрезентации травмы или эволюции государственной риторики, оставляя без должного внимания фигуру музейного администратора как актора, непосредственно преобразующего институциональную политику памяти.

Особенно заметна лакуна в области изучения военно-технического наследия. Материальные носители такой памяти – орудия, механизмы, инженерные сооружения – обладают двойной семиотической нагрузкой, совмещающей прагматику технического объекта с символикой военной доблести. Однако в историографии до сих пор не получила достаточного освещения проблема баланса между «чёрным ящиком» узкопрофильной технологической истории и мемориальными запросами национальной идентичности. Исследования, как правило, либо редуцируют такие коллекции к иллюстрации эволюции инженерной мысли, либо, напротив, полностью растворяют их техническую специфику в общем героико-патриотическом нарративе.

Биография и управленческая деятельность полковника Валерия Михайловича Крылова, возглавившего Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИ-МАИВиВС) в критический момент распада СССР в 1991 году, остается практически не введенной в научный оборот как предмет концептуального осмысления. Хотя отдельные публикации (преимущественно юбилейного или справочного характера) фиксируют его вклад в расширение экспозиционных площадей, а также отмечают его академическую активность как доктора исторических наук, они не содержат анализа глубинных механизмов принятия решений. В этих работах не эксплицируется связь между персональными диспозициями директора и институциональной стратегией выживания музея в условиях деидеологизации и кризиса финансирования силовых ведомств. Таким образом, за рамками исследовательского внимания остается вопрос: какую роль в ревитализации институциональной памяти и реконфигурации миссии военного музея играет административный этос руководителя?

Научная новизна настоящего исследования заключается в следующем:

Введение в научный оборот и концептуализация понятия «административный этос» применительно к музейному менеджменту. В отличие от доминирующих подходов, описывающих музейные трансформации как результат безличных институциональных процессов или государственной политики, в данной работе впервые предлагается рассматривать персональный синтез профессиональных, академических и ценностных диспозиций руководителя как самостоятельный фактор, определяющий коммеморативные стратегии учреждения.

Преодоление анонимности историко-музейных описаний через персонифицированную модель анализа. Новизна подхода состоит в экспликации причинно-следственной связи между биографической траекторией и габитусом В.М. Крылова (офицера-артиллериста, доктора наук и менеджера) и конкретными экспозиционными, издательскими и просветительскими решениями, принятыми в ВИМАИВиВС в постсоветский период. Это позволяет увидеть за институциональной историей логику индивидуального управленческого действия.

Заполнение историографической лакуны, связанной с репрезентацией военно-технической памяти. В статье впервые анализируется специфическая стратегия балансирования между технократической и мемориально-патриотической оптиками, реализованная под руководством В.М. Крылова и позволявшая интегрировать узкопрофильные технические коллекции в широкий контекст национальной истории.

Таким образом, цель статьи состоит в экспликации коммеморативных стратегий, реализованных под руководством В.М. Крылова, и их интерпретации сквозь призму категории административного этоса, позволяющей преодолеть разрыв между описательностью традиционных трудов по истории музеев и необходимостью теоретического осмысления персонифицированных механизмов политики памяти.

Методология

Методологический каркас работы сформирован на пересечении *memory studies*, институциональной теории и социологии организаций. Под коммеморацией понимается совокупность публичных практик, с помощью которых сообщество символически оформляет и ритуально воспроизводит значимое прошлое, закрепляя его в материальных и дискурсивных формах. Институциональная репрезентация памяти трактуется как процесс перевода социального опыта в устойчивые организационные структуры, нарративы и церемониалы, поддерживаемые ресурсами конкретного учреждения. При этом мы опираемся на концепцию «мест памяти» Пьера Нора, подчёркивая, что музей является не пассивным вместилищем, а активным генератором смыслов, отбирающим и канонизирующим определённые фрагменты прошлого.

Специфика предмета исследования потребовала введения в аналитический аппарат понятия административного этоса. Его операционализация позволяет преодолеть разрыв между нарративной историей музея и анализом субъектных оснований управленческих действий. Это понятие отсылает к веберовской традиции анализа этоса бюрократии и бурдьезианской концепции габитуса, однако фокусируется на специфике роли руководителя, выступающего одновременно носителем институциональной миссии и её активным преобразователем. Если классический веберовский чиновник действует в рамках предписанных норм, то администратор-реформатор вынужден эти нормы пересматривать, опираясь на собственные диспозиции.

Административный этос полковника Крылова реконструируется как синтетическая диспозиция, в которой сплавлены: а) военно-профессиональная идентичность, воспитанная в кадетских и офицерских структурах, с её императивами дисциплины, иерархии и служения; б) исследовательский энтузиазм историка военного дела, присвоившего докторский академический статус и перенёсшего принципы научной систематизации на музейное дело; в) публичная ориентированность, выразившаяся в курсе на экспозиционную открытость и просветительскую экспансию. Именно этот этос, на наш взгляд, выполнил функцию «мягкой матрицы», структурировавшей коммеморативные стратегии институции в период тектонических сдвигов и придавшей им внутреннюю согласованность и долговременную направленность.

Результаты и обсуждение

Ко времени назначения В.М. Крылова на должность начальника в 1990-е годы музей, ведущий свою историю от Цейхгауза Петра Великого, переживал системный кризис, типичный для постсоветских военно-исторических собраний. Деидеологизация лишила легитимности прежние экспозиционные нарративы, построенные на классовой борьбе и триумфе советского оружия под руководством партии, а узковедомственный статус Министерства обороны ограничивал возможности вхождения в более широкое культурное поле и диалога с гражданским обществом. Фонды, насчитывающие сотни тысяч единиц хранения артиллерийских орудий, инженерного имущества и средств связи, оставались по большей части закрытыми не только для публики, но и для независимых исследователей. Существовала реальная угроза окончательного превращения музея в закрытое техническое хранилище с постепенной утратой мемориального измерения.

В этих условиях административная стратегия нового руководителя, сформировавшаяся во многом под влиянием общих для 1990–2000-х годов процессов реформирования музейного дела в силовых ведомствах, состояла в попытке соединить ведомственную лояльность с публичной ответственностью. Музей стал позиционироваться не только как войсковое учреждение, но и как общенациональный центр мемориализации ратного труда оружейников, инженеров и артиллеристов. Эта двойная ориентация материализовалась в концепции «живого музея», предполагавшей реэкспозицию, реставрацию и постепенное «расчехление» ранее закрытых фондов. Сам термин подразумевал не столько одномоментную физическую доступность всех

образцов, сколько системное введение в научный оборот архивных материалов, чертежей и личных дел конструкторов. Административными решениями институциональный режим доступа к военно-технической памяти начал трансформироваться из преимущественно разрешительно-секретного в сторону большей, хотя и не полной, открытости. Исследователи получили более широкую возможность работать с подлинными документами, а посетители – видеть не просто набор трофеев, а попытку выстроить логичную историю.

Однако эта трансформация имела очевидные ограничения и порождала внутренние противоречия. Во-первых, «расчехление» фондов оставалось дозированным и избирательным, лимитированным как режимными требованиями Министерства обороны, так и нехваткой ресурсов на полноценную реставрацию и введение в оборот сотен тысяч единиц хранения. Во-вторых, сама фигура В.М. Крылова – действующего полковника, встроенного в армейскую иерархию, – одновременно и облегчала, и ограничивала маневр. Дисциплинарная вертикаль обеспечивала сохранность фондов и исполнительскую дисциплину при реализации масштабных проектов, но она же задавала жесткие рамки для интерпретаций, оставляя за пределами публичного нарратива сюжеты, не укладывавшиеся в логику военно-патриотического воспитания. Достижения музея в этот период, таким образом, были не столько результатом уникальной личной воли, сколько следствием сложного взаимодействия инициатив руководства, позиции Министерства обороны, общего тренда на десекретирование военных архивов и коллективной работы музейных сотрудников.

Под руководством В.М. Крылова был реализован комплекс взаимосвязанных стратегий, каждая из которых несла на себе отпечаток этой двойственной – ведомственной и публичной – ориентации. Их эффективность и спорные эффекты заслуживают отдельного анализа.

Первое направление – нарративизация вещевых коллекций. Экспозиционное пространство последовательно перестраивалось: артиллерийское орудие или средство связи стремились представить не как изолированный технический объект, а как элемент сюжетно организованного рассказа об эволюции военной мысли, производственных традиций и боевого опыта. Этот рассказ выстраивался вокруг документированных биографий конструкторов и подразделений, что позволяло персонифицировать историю техники. Например, экспозиция, посвященная советской реактивной артиллерии, включала не только установку, но и материалы о разработчиках – письма, дневники, наградные листы. Такой подход, с одной стороны, позволял посетителю увидеть за оружием человеческую драму, противостоял обезличенному забвению и коррелировал с ценностями служебной чести, понятными военной аудитории. С другой стороны, он неизбежно сужал оптику: фокус на героике конструирования и боевого применения оставлял в тени, например, технологическую зависимость от зарубежных образцов, экономическую цену перевооружений или трагические судьбы репрессированных оружейников, чьи имена далеко не всегда возвращались в официальный пантеон.

Второе направление – внедрение церемониальных практик. Музей стал площадкой для регулярных ритуалов: дней воинской славы, церемоний приёма присяги, памятных митингов у стен Кронверка, научных конференций, приуроченных к юбилеям военно-технических школ. С 2023 года действует постоянная экспозиция, посвященная Специальной военной операции, которая оперативно включает артефакты с передовой и позиционируется как место живого переживания текущей истории. Крылов неоднократно подчеркивал, что «гражданское и патриотическое воспитание молодежи является одной из главных задач музея» (Крылов, 2025, 2024). Он также институционализировал практику торжественных оглашений результатов изысканий – презентаций новых томов энциклопедических трудов и сборников. Такая церемониальная активность, бесспорно, укрепила статус музея как узлового пункта официальной коммеморации и решила проблему его востребованности в системе военного ведомства. Однако именно эта сторона деятельности вызывает и наиболее дискуссионные вопросы: по сути, происходила милитаризация музейного пространства, где функции исторического исследования и критического осмысления все теснее переплетались с задачами текущей агитации. Оперативная музеефикация незавершенного конфликта создает риски для будущей верификации источников и ставит под вопрос способность музея сохранять позицию объективного исследовательского института.

Третье направление – эдиционная коммеморация. Масштабный проект «Энциклопедия отечественной артиллерии» и многочисленные другие публикации, осуществлённые при участии и под редакцией Крылова, выполняли двойную функцию: справочно-документирующую и мемориально-канонизирующую. Многотомное издание, вобравшее сведения о тысячах образцов вооружения, биографии конструкторов, описание боевых операций, является одновременно академическим трудом и памятником, закрепляющим за избранными именами и боевыми эпизодами статус национального достояния. Публикационная активность расширяла границы музейной репрезентации далеко за пределы экспозиционных залов – в библиотеки, училища, школы. Однако и здесь критический анализ выявляет издержки: издания подобного типа, создаваемые под грифом официального учреждения, склонны к унификации иерархии значимости событий и лиц, сглаживанию острых углов военно-технической истории и выведению за скобки неудачных проектов, конструкторских ошибок или заимствований, что формирует скорее «гладкий» канон, нежели многомерную историческую картину.

Таким образом, институциональная репрезентация военно-технической памяти под руководством В.М. Крылова явилась не столько воплощением уникальной персональной воли, сколько продуктом конкретных исторических условий: относительного ослабления секретности в постсоветский период, конъюнктуры государственного запроса на патриотическое воспитание, ресурсных возможностей Министерства обороны и коллективных усилий музейных сотрудников. Личная диспозиция директора – его включенность в армейскую иерархию, понимание служебной дисциплины и одновременно интерес к расширению академических контактов – действительно стала катализатором ряда изменений, но эти изменения протекали в жестких институциональных рамках. Достижения – возросшая публичная заметность музея, расширение доступа к фондам, реализация крупных издательских проектов – сопровождалась неизбежными ограничениями: сохранявшейся избирательностью в темах и экспонатах, усилившейся связкой научной работы с текущими политико-воспитательными задачами и формированием во многом комплиментарного исторического нарратива. Устойчивость этого мнемонического проекта в посткрыловский период станет серьезным тестом на то, в какой степени созданная система значений, нарративов и церемоний способна функционировать вне прямой связи с породившей ее административной конфигурацией.

Выводы и заключение

Рассмотренный кейс позволяет сделать вывод о продуктивности понятия административного этоса при изучении институциональной динамики памяти. В лице полковника В.М. Крылова мы наблюдаем исторически конкретный образец «мнемонического актора», чей габитус одновременно встроен в корпоративные структуры и трансформирует их изнутри. Коммеморативные стратегии, реализованные под его руководством, – сюжетная экспозиция, церемониальная ритуализация и эдиционная канонизация – обеспечили перевод военно-технического наследия из разряда узковедомственного ресурса в статус публичного культурного достояния, обладающего устойчивой нарративной структурой. Такой перевод был бы невозможен без синтеза армейской дисциплины, научной страсти и публичной открытости, присущего личности директора. Дальнейшие исследования могут быть связаны со сравнительным анализом административных этосов руководителей сходных институций – например, Центрального музея Вооружённых Сил или Военно-медицинского музея, – что позволит полнее описать роль личностного фактора в конструировании национальных режимов памяти. Кроме того, перспективной представляется разработка типологии коммеморативных стратегий в ведомственных музеях постсоветского пространства, позволяющая отделить уникальные управленческие решения от воспроизводимых паттернов, порождённых институциональной средой.

Библиография

- 80-летний юбилей отмечает директор Музея артиллерии (ВИМАИВиВС). (2025, 22 августа). Российский оружейный журнал «Калашников». <https://www.kalashnikov.ru/80-let-valeriyu-mihajlovichu-krylovu/>
- Артиллерийский музей сменил руководителя впервые за 35 лет. (2026, 30 июня). Деловой Петербург. <https://www.dp.ru/a/2026/06/30/artillerijskij-muzej-smenil>.
- Артиллерист, музейщик, ученый. К 65-летию директора Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи В. М. Крылова (2010). *Калашников*, 9, 16-18. <https://www.kalashnikov.ru/kalashnikov-9-2010/>
- Ассман Я. (2004) *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. Языки славянской культуры.
- Бранденбург Н.Е. (1877). *Артиллерийский исторический музей (Петербург)*. Исторический каталог С.-Петербургского артиллерийского музея. Ч. 1. А. Бокрам.
- Веселов Ф.Н., Карлина Т.И. (2017). Экспозиция открытого хранения вооружения и военной техники Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи: история и предшественники, *Вопросы музеологии*, 2(16), 97-110.
- Военно-исторический музей и музеи силовых структур (краткий путеводитель) (2011). Комитет по культуре Правительства Санкт-Петербурга.
- Крылов В. М. (1998). *Кадетские корпуса и российские кадеты*. ВИМАИВиВС.
- Крылов, В. М. (2026). Слово директора. В *Отчет Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи за 2025 г.* ВИМАИВиВС.
- Крылов, В. М. (2025). Слово директора. В *Отчет Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи за 2024 г.* ВИМАИВиВС.
- Крылов, В. М. (2024). Слово директора. В *Отчет Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи за 2023 г.* ВИМАИВиВС.
- Крылов, В. М. (2022). Слово директора. В *Отчет Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи за 2021 г.* ВИМАИВиВС.
- Крылов, В. М. (2021). Слово директора. В *Отчет Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи за 2020 г.* ВИМАИВиВС.
- Нора, П., Озуф, М., Пюимеж, Ж., & Винок, М. (1999). *Франция-память*. Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Огоновская, И. С. (2021). Коммеморативные практики как инструмент сохранения памяти о военной истории России. В Р. Р. Хисамутдинова (Ред.), *Одна на всех трагедия и одна Победа. Международная научно-практическая конференция к 80-летию начала Великой Отечественной войны. Сборник статей* (с. 237–241). ОГПУ.

Поступила в редакцию: 03.02.26

Принята к публикации: 20.06.26